

Дэвид Митчелл
**ПОД
ЗНАКОМ
ЧЕРНОГО
ЛЕБЕДЯ**

«Под знаком черного лебедя» —
идеальный слепок
времени и места,
ни одной фальшивой
ноты.

Telegraph

Оглавление

[Под знаком черного лебедя](#)

[Выходные сведения](#)

[Январский день рождения](#)

[Вешатель](#)

[Родственники](#)

[Верховая тропа](#)

[Роковой рокарий](#)

[Призраки](#)

[Солярый](#)

[Сувениры](#)

[Глист](#)

[Точильщик ножей](#)

[Гусиная ярмарка](#)

[Дискотека](#)

[Январский день рождения](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
Дэвида МИТЧЕЛЛА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Голодный дом

•

Облачный атлас

•

Тысяча осеней Якоба де Зута

•

Костяные часы

•

Под знаком черного лебедя

•

ДЭВИД
МИТЧЕЛЛ

ПО
ЗНАКОМ
ЧЕРНОГО
ЛЕБЕДЯ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

David Mitchell
BLACK SWAN GREEN
Copyright © 2006 by David Mitchell
All rights reserved
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Митчелл Д.

Под знаком черного лебедя : роман / Дэвид Митчелл ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. (Большой роман).

ISBN 978-5-389-11739-6

16+

Дэвид Митчелл — современный классик британской литературы, дважды финалист Букеровской премии, автор таких интеллектуальных бестселлеров, как «Костяные часы», «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тыквером и братьями Вачовски), «Голодный дом» и другие. «Под знаком черного лебедя» — это роман взросления, и Митчелл более чем уверенно выступил на территории, традиционно ассоциирующейся с такими именами, как Сэлинджер, Брэдбери и Харпер Ли. Итак, добро пожаловать в деревушку Лужок Черного Лебедя (где «на самом деле нет никаких лебедей... Это, в общем, такая шутка»). Джейсону Тейлору тринадцать лет, и мы увидим его жизнь на протяжении тринадцати месяцев, от одного январского дня рождения до другого. Он борется с заиканием, тайно пишет стихи, собачится со старшей сестрой и надеется не опуститься в школьной иерархии до уровня Дина Дурана по прозвищу Дурень. Тем временем в Атлантике идет Фолклендская война, в кинотеатрах стоят очереди на «Огненные колесницы», а в отцовском кабинете, где «вращающееся кресло — почти такое же, как в оружейных

башнях „Сокола Тысячелетия“ у лазерных батарей», то и дело звучат загадочные телефонные звонки...

«„Под знаком черного лебедя“ — идеальный слепок времени и места, ни одной фальшивой ноты» (*Telegraph*).

Перевод публикуется в новой редакции.

© Т. П. Боровикова, перевод, примечания, 2020

© А. Б. Гузман, примечания, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2020

Издательство ИНОСТРАНКА®

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе — это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же, Толстой. Например, «Анна Каренина» — 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.

Дэвид Митчелл

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны — и совершенно уместны.

Kirkus Reviews

Митчелл — один из лучших писателей современности.

San Antonio Express-News

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.

Mail on Sunday

«Под знаком черного лебедя» — идеальный слепок времени и места, ни одной фальшивой ноты.

Telegraph

Чем эта книга впечатляет даже сильнее «Облачного атласа», так это тем, насколько естественно формальные ухищрения, сквозная литературность вплавлены в достоверную историю взросления, проживаемую читателем как свою. «Эпично», как сказал бы Джейсон.

Literary Review

Митчелл лихо испытывает на прочность литературные условности и сам язык, безукоризненно воспроизводя склад ума и манеру речи проблемного подростка.

Tatler

Трогательная, волнующая, тревожная книга. И в то же время невероятно смешная, даже — вернее, парадоксально, именно тогда — в самые тяжелые, напряженные моменты.

Observer

Блистательный роман. Торжество литературы как освобождающей силы и в то же время иллюстрация того, что застенчивость, неспособность внятно выразиться, даже виктимность тоже формируют будущего писателя.

The Times

Наше коллективное бессознательное до сих пор в плену у восьмидесятых, но недостаточно упомянуть «Дюран-дюран» или Фолкленды, чтобы воскресить это десятилетие во всей его пугающей красе. Для этого нужен талант масштаба Дэвида Митчелла.

Independent

Дэвид Митчелл прославился романами самого масштабного охвата — и географически, и хронологически, и жанрово. Здесь же он сосредоточивает все свое писательское мастерство на одной деревушке, одном годе и одной жанровой модели — романе взросления. Результат, как и следовало ожидать, умопомрачительный.

Time

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.

Дин Кунц

Дэвиду Митчеллу подвластно все.

Адам Джонсон
(лауреат Пулицеровской премии)

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших — если не самым лучшим — современным писателем, который способен держать

читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом...

Джо Хилл

Околдовывает и пугает... истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

Scotland on Sunday

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

Chicago Tribune

Дэвид Митчелл — настоящий волшебник.

The Washington Post

Ошеломляющий фейерверк изумительных идей... Каждый новый роман Митчелла глубже, смелее и занимательнее предыдущего. Его проза искрометна, современна и полна жизни. Мало кому из авторов удастся так остроумно переплести вымысел с действительностью, объединить глубокомыслие с веселым вздором.

The Times

Митчелл — непревзойденный литературный гипнотизер. Как жаль, что в обычной жизни так редко встречаются изящество и воодушевление, свойственные его романам. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом. Воображаемый мир Митчелла радует и внушает надежду.

Daily Telegraph

Митчелл — один из самых бодрящих авторов. Каждый его роман отправляет читателя в увлекательнейшее путешествие.

The Boston Globe

Дэвида Митчелла, бесспорно, можно назвать самым многогранным и разноплановым среди всех писателей его поколения. Он пишет стильнее Джонатана Франзена, его сюжеты стройнее, чем у Майкла Шейбона, повествование глубже и сложнее, чем у Дженнифер Иган, а мастерством он не уступает Элис Манро...

The Atlantic

Митчелл — прекрасный писатель. Один из секретов его популярности и заслуженной славы заключается в том, что его творчество совмещает неудержимый полет воображения гениального рассказчика с приземленным реализмом истинного гуманиста. Его романы находят отклик у всех, будь то любители традиционного реалистичного повествования, постмодернистского нарратива или фантастических историй.

The New Yorker

Митчелл — писатель даже не глобального, а трансконтинентального, всепланетного масштаба.

New York

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.

Дэвид Митчелл

Январский день рождения

«Ко мне в кабинет — ни ногой». Такое правило установил папа. Но телефон прозвонил уже двадцать пять раз. Нормальные люди обычно сдаются после десяти-одиннадцати звонков, если только речь не идет о жизни и смерти. Правда же? У папы есть автоответчик, как у Джеймса Гарнера в сериале «Досье детектива Рокфорда», с большими бобинами пленки. Но в последнее время папа перестал его включать. Тридцать звонков. Джулия не слышит, у нее в мансарде грохочет на полную катушку *Human League* — «Don't You Want Me»¹. Сорок звонков. Мама тоже не слышит — она пылесосит гостиную, и к тому же у нее стиральная машина трясется как бешеная. Пятьдесят звонков. Тут что-то не так. А если папу раскатало в лепешку в аварии на М5 и у полиции есть только этот номер телефона, потому что остальные папины документы сгорели? Тогда мы лишимся последнего шанса повидать обгоревшего отца перед его смертью в больнице.

И я переступил порог, чувствуя себя как жена Синей Бороды, которая нарушила запрет. (Конечно, Синей Бороде только того и надо было.) В папином кабинете пахнет фунтовыми банкнотами — бумажный и одновременно металлический запах. Из-за опущенных жалюзи казалось, что сейчас вечер, а не десять утра. На стене очень суровые часы — у нас в школе везде висят точно такие же. И фотография: Крейг Солт пожимает папе руку по случаю того, что папу сделали региональным директором продаж «Гринландии» (через «и», так называется сеть супермаркетов, а не через «е», как остров). На стальном столе — папин компьютер *IBM*. Он стоит тысячи фунтов, чесслово. Телефон у папы

в кабинете красный, будто аппарат экстренной связи у какого-нибудь президента. И с кнопками, которые надо нажимать, а не с диском, как у нормальных телефонов.

В общем, я набрал воздуху в грудь, поднял трубку и назвал наш домашний номер. Хотя бы его я могу произнести не запинаясь. Обычно.

Но в трубке молчали.

— Алло! — произнес я. — Алло?

Человек на том конце дышал так, как будто порезался бумагой.

— Вы меня слышите? Я вас не слышу.

Еле слышно заиграла мелодия из «Улицы Сезам».

— Если вы меня слышите, стукните по трубке один раз. — Я вспомнил детский фильм, в котором так делали.

Стука не последовало, только музыка из «Улицы Сезам» продолжала играть.

— Наверно, вы ошиблись номером, — предположил я, теряясь в догадках.

На том конце завопил младенец, и трубку бросили.

Когда тебя кто-то слушает в телефоне, получается *слушательный* звук.

Я его слышал. Значит, на том конце слышали меня.

«Семь бед — один ответ». Эту пословицу мы сто лет назад проходили с мисс Трокмортон. Раз уж подвернулся предлог зайти в папин кабинет, я раздвинул полоски жалюзи, острые как бритва, и глянул в окно — за церковные земли, сквозь ветви флюгерного дерева с петухом, за поля — на Мальвернские холмы. Бледное утро, ледяное небо, холмы покрыты коркой льда, но снег, кажется, не задержался надолго. Обидно. У папы вращающееся кресло — почти такое же, как в орудийных башнях «Сокола Тысячелетия» у лазерных батарей. Я принялся палить в советские МиГи, заполонившие небо над Мальвернскими холмами.

Вскоре я уже героически спас десятки тысяч мирных жителей отсюда до Кардиффа. Приходская земля покрылась обломками фюзеляжей и обугленными крыльями. В советских летчиков, когда катапультируются, я стрелял иглами со снотворным. Наши морские пехотинцы потом всех подберут. Меня захотят осыпать медалями, но я откажусь. «Нет, спасибо, — отвечу я Маргарет Тэтчер и Рональду Рейгану, когда они придут к маме на чай. — Я лишь выполнял свой долг».

У папы на столе прикручена невероятно клевая точилка для карандашей. Они становятся такими острыми, что хоть рыцарские латы прокалывай. Самые острые — Т. Это папины любимые. Я предпочитаю 2М.

Позвонили в дверь. Я поправил жалюзи, убедился, что не оставил других следов, выскользнул из кабинета и помчался вниз — посмотреть, кто пришел. Последние шесть ступенек я преодолел одним отчаянным скачком.

Это оказался Дурень — дыбящийся и прыщавый, как всегда. Пух у него на лице стал заметно гуще.

— Спорим, не угадаешь, что случилось!

— Что?

— Знаешь озеро в лесу?

— Что с ним такое?

— А оно, — тут Дурень оглянулся, чтобы проверить, не подслушивает ли кто, — взяло да и замерзло! Половина ребят уже там. Круто, а?

— Джейсон! — Из кухни вышла мама. — Холоду напустишь! Либо пригласи Дина в дом — *здравствуй*, Дин, — либо закрой дверь.

— Э... мам, я выйду ненадолго.

— Э... куда?

— Подышать воздухом. Это очень полезно для здоровья.

Большая ошибка.

— Что это ты затеял?

Я хотел сказать «ничего», но Вешатель не позволил.

— Почему ты думаешь, что я что-то затеял?

Я стал надевать темно-синее пальто, старательно избегая ее взгляда.

— А что не так с твоей новой черной курткой, позволь спросить?

Я по-прежнему не мог выговорить «ничего». (Вообще-то надеть черное — значит заявить о своей принадлежности к крутым пацанам. Но взрослым таких вещей не понять.)

— Пальто потеплее. На улице холодновато.

— Имей в виду, обед ровно в час. Папа придет. Надень вязаную шапку, а то голова замерзнет.

Вязаные шапки — это для педиков, но я послушался — потом суну ее в карман.

— До свиданья, миссис Тейлор, — сказал Дурень.

— До свидания, Дин, — ответила мама.

Она его недолюбливает.

Дурень одного роста со мной. Парень он ничего, но от него ужасно разит супом. Он носит всегда слишком короткие штаны из секонд-хенда и живет на Драггерс-Энд, в маленьком кирпичном домике, который тоже весь пропах супом. На самом деле Дурня зовут Дин Дуран, но наш учитель физкультуры мистер Карвер сразу же стал звать его «дурень», и кличка прилипла. Я зову его Дин, когда нас больше никто не слышит, но с именами все не так просто. Самых популярных парней зовут просто по имени — например, Ника Юэна всегда называют только Ник. Среднепопулярных — как Гилберт Свинъярд — зовут кличками, вроде как почтительными, типа Ярди. На ступень ниже стоят ребята вроде меня, которые называют друг друга по фамилии. Еще ниже — с издевательскими кличками: прилепят, и ходи с ней. Вот как Дуран — Дурень, или

Бест Руссо, у которого кличка Без Трусов. Если уж родился мальчиком, то от иерархии, как в армии, тебе никуда не деться. Назови я Гилберта Свинъярда просто «Свинъярд», он заедет мне в морду с ноги. А стану звать Дурня по имени при всех, это меня самого понизит. Приходится быть бдительным.

Девочки обычно не так следят за иерархией, кроме Дон Мэдден — она, мне кажется, на самом деле мальчик и только по ошибке получилась девочкой. Они и дерутся гораздо меньше. (Впрочем, как раз перед рождественскими каникулами Дон Мэдден зверски сцепилась с Андреа Бозард. Они стояли в очереди на автобус после школы и начали обзывать друг друга суками и шлюхами. Потом принялись молотить друг друга кулаками по сиськам, таскать за волосы, и все такое.) Иногда я жалею, что не родился девчонкой. Они обычно гораздо более цивилизованны. Но стоит проговориться об этом, как на моем шкафчике в школе обязательно нацарапают «ПЕДИК». Так случилось с Флойдом Чейсли, когда он признался, что любит музыку Баха. Имейте в виду: если в школе когда-нибудь узнают, что Элиот Боливар, чьи стихи публикуются в приходском журнале Лужка Черного Лебеда, — это я, меня забьют до смерти за теннисным кортом молотками из школьной мастерской и намалют эмблему *Sex Pistols* на моем надгробии.

Короче, пока мы с Дурнем шли к озеру, он рассказал мне про электрическую автодорогу, которую ему подарили на Рождество. На следующий же день трансформатор от нее взорвался, и всю семью чуть не убило. «Ага, щаз», — сказал я. Но Дурень поклялся могилой своей бабушки. Тогда я посоветовал ему написать в передачу «Это жизнь» на Би-би-си — тогда Эстер Ранцен заставит производителя выплатить компенсацию. Дурень сказал, что это вряд ли получится, потому как его папка купил эту штуку у

одного «брамми» на рынке в Тьюксбери перед Рождеством. Я не рискнул спросить, что такое «брамми», — вдруг это матерное слово. И только сказал: «Ага, ясно». Дурень спросил, что подарили на Рождество мне. Я на самом деле получил подарочных карточек в книжный магазин на 13 фунтов 50 пенсов и плакат с картой Средиземья, но книги — это для педиков, так что я рассказал Дурню про игру «Жизнь», которую мне подарили дядя Брайан и тетя Алиса. Это настольная игра — ее цель в том, чтобы как можно быстрее провести свою фишку-автомобиль по «жизненному пути» и набрать при этом как можно больше денег. Мы пересекли дорогу у «Черного лебедя» и вошли в лес. Я пожалел, что не помазал губы вазелином, — они у меня трескаются от холода.

Скоро мы услышали за деревьями вопли, крики и возню ребят.

— Кто последним добежит до озера, тот калека! — крикнул Дурень и помчался, застав меня врасплох.

Но тут же споткнулся о край мерзлой колеи, взлетел в воздух и приземлился на задницу. Дуран в своем репертуаре.

— Кажется, у меня сотрясение, — сказал он.

— Сотрясение бывает, когда ударишься головой. Но если у тебя мозги в жопе, тогда конечно.

Какая отличная реплика! Жаль, *кто надо* этого не слышал.

Озеро в лесу было просто *эпическое*. Во льду застыли пузырьки воздуха, совсем как в мятных карамельках. У Нила Броуза были настоящие олимпийские коньки, и он сдавал их напрокат всем желающим по пять пенсов за раз. Питу Редмарли Броуз разрешал кататься бесплатно, чтобы другие ребята увидели и тоже захотели прокатиться. На льду и без коньков трудно. Я упал тыщу раз, пока наконец не приноровился

скользить на подошвах кроссовок. Пришел Росс Уилкокс со своим двоюродным братом Гэри Дрейком и с Дон Мэдден. Все трое неплохо катаются. Дрейк и Уилкокс теперь тоже выше меня. (Они были в перчатках без пальцев — пальцы специально отрезали, чтобы похвалиться шрамами, заработанными в игре «Королева шрамов». Меня бы мама за такое убила.) На кочковатом островке посреди озера, где летом живут утки, сидел Подгузник и орал «Зопой квелху! Зопой квелху!» каждый раз, когда кто-нибудь падал. У Подгузника не в порядке с головой, потому что он родился раньше времени. Поэтому его никогда не бьют. Во всяком случае, сильно не бьют. Грант Бёрч взял велосипед-чоппер своего слуги Филипа Фелпса и прямо выехал на нем на лед. Сперва он держался, но потом решил задрать переднее колесо и взлетел в воздух. Когда велосипед приземлился, то выглядел так, будто Ури Геллер замучил его до смерти. Фелпс криво ухмылялся. Наверняка пытался сообразить, что скажет отцу. Потом Пит Редмарли и Грант Бёрч решили, что замерзшее озеро идеально подходит для игры в «британских бульдогов». Ник Юэн сказал: «Я — за», так что дело было решено. Терпеть не могу «британских бульдогов». Когда мисс Трокмортон в начальной школе запретила нам в это играть — после того, как Ли Биггсу выбили три зуба, — я чуть не умер от радости. Но сегодня утром любой отказавшийся играть в «британских бульдогов» выглядел бы полным педиком. Особенно если он живет на Кингфишер-Медоуз, как я.

Мы, то есть человек двадцать — двадцать пять мальчишек и Дон Мэдден, встали в ряд, и капитаны команд стали нас выбирать, как рабов на рынке. Грант Бёрч и Ник Юэн были вместе капитанами в одной команде. Капитанами другой были Пит Редмарли и Гилберт Свинъярд. Росса Уилкокса и Гэри Дрейка выбрал Пит Редмарли — раньше меня, но меня выбрал

Грант Бёрч на шестом проходе, то есть это был не полный позор. Дурень и Подгузник остались последними. Грант Бёрч и Пит Редмарли пошутили: «Нет, не берите их обоих, мы хотим выиграть!» — и Подгузнику с Дурнем пришлось смеяться, как будто им тоже смешно. Может, Подгузнику и правда было смешно. (Дурню — не было. Когда все отвернулись, лицо у него стало как в тот раз, когда мы сказали ему, что играем в прятки, и послали его прятаться, а он только через час сообразил, что его никто не ищет.) Подбросили монетку, и Ник Юэн выиграл, так что наша команда стала «бегунами», а Пита Редмарли — «бульдогами». Куртки низкоранговых ребят бросили на лед в обоих концах озера, чтобы обозначить ворота, которые надо атаковать и защищать. Девчонок, кроме Дон Мэдден, и малышей прогнали со льда. «Бульдоги» Редмарли сбились в кучу посреди озера, а мы, «бегуны», отошли на старт. У меня колотилось сердце. «Бульдоги» и «бегуны» пригнулись, как конькобежцы. Капитаны команд принялись скандировать:

— Бульдоги! Раз-два-три!

Мы ринулись в бой, вопя, как камикадзе. Я поскользнулся (нечаянно-нарочно) прямо перед тем, как первая волна «бегунов» врезалась в «бульдогов». После столкновения самые крутые «бульдоги» завяжут драку с первыми «бегунами». («Бульдогам» надо положить «бегуна» на обе лопатки на лед и продержат его там столько времени, чтобы успеть крикнуть: «Бульдоги! Раз-два-три!») При некоторой удаче моя стратегия расчистит путь, так что наши, лавируя в толпе «бульдогов», доберутся до линии ворот. Сначала мой план вроде бы сработал. Братья Тьюки и Гэри Дрейк все разом врезались в Ника Юэна. Мне заехали ногой по щиколотке, но я удачно прорвался. Но потом на меня бросился Росс Уилкокс. Я хотел увернуться, но

он крепко схватил мое запястье и потянул меня вниз. Я даже не пытался вырваться, а вместо этого схватил покрепче за руку его самого и отшвырнул от себя, прямо на Энта Литтла и Даррена Крума. Класс, правда? В спортивных и всяких других играх главное — не победа и даже не участие. На самом деле главная цель — унижить противника. Ли Биггс попробовал на мне подленький приемчик из регби, но я его стряхнул только так. Он слишком боится за оставшиеся зубы, а потому не может быть хорошим «бульдогом». Я оказался у линии четвертым. Грант Бёрч крикнул: «Отлично, Джейс!» Ник Юэн отделался от Дрейка и братьев Тьюки и тоже добежал до ворот. Примерно треть «бегунов» попали в плен и сами стали «бульдогами» — следующий проход будет для нас тяжелее. Вот за это я не люблю игру в «британских бульдогов» — тебя насильно делают предателем.

В общем, мы хором крикнули: «Бульдоги! Раз-два-три!» — и снова ринулись в бой, но на этот раз у меня не было шансов. Росс Уилкоккс, и Гэри Дрейк, и Дон Мэдден нацелились на меня с самого начала. Я уворачивался изо всех сил, но ничего не мог поделать. Я и до середины не пробежал, как они меня заловили. Росс Уилкоккс бросился под ноги, Гэри Дрейк повалил меня, а Дон Мэдден села мне на грудь и придавила коленями мои плечи. Я лежал и ничего не мог поделать, а меня превращали в «бульдога». Но в сердце я навсегда останусь «бегуном». Гэри Дрейк отсидел мне ногу — может, нарочно, а может, и нет. У Дон Мэдден жестокие глаза, как у китайской императрицы. Иногда ей достаточно в школе один раз с утра на меня посмотреть, и я потом весь день о ней думаю. Росс Уилкоккс подпрыгнул и двинул воздух кулаком, как будто гол забил в «Олд Траффорде». Вот ведь калека. «Да, да, Уилкоккс, трое на одного, молодцы», — сказал я. Уилкоккс показал мне обратную «викторию» и умчался прочь,

ввязываться в другую битву. Грант Бёрч и Ник Юэн врезались со всей скорости в толпу «бульдогов», размахивая руками, как мельницы, и половина «бульдогов» разлетелась в разные стороны.

Тут Гилберт Свинъярд заорал во всю глотку:

— КУЧА-МАЛАААА!!!

Это был сигнал всем «бегунам» и «бульдогам», кто был на озере, повалиться друг на друга, чтобы вышла извивающаяся, стонущая и все растущая пирамида из ребят. Про игру вроде как забыли. Я задержался в сторонке, притворяясь, что хромаю из-за отсиженной ноги. Вдруг в лесу послышался звук бензопилы — она как будто летела по дороге прямо к нам.

Но это была не бензопила. Это был Том Юэн на своем фиолетовом кроссовом «судзуки» на сто пятьдесят кубиков. Сзади за Тома цеплялся Плуту Ноук без шлема. Про «британских бульдогов» тут же забыли: Том Юэн у нас в Лужке Черного Лебедя — живая легенда. Он служит во флоте, на эскадренном миноносце — корабле ее величества «Ковентри». И еще у него есть все альбомы цеппелинов, которые вообще бывают, и он умеет играть на гитаре вступление к «Stairway to Heaven». Том Юэн сам пожимал руку Питеру Шилтону, голкиперу сборной Англии! Плуту Ноук — тоже легенда, но поменьше. Он в прошлом году ушел из школы, даже не сдав экзамены на аттестат зрелости. А теперь работает на фабрике свиных шкварок в Аптоне-на-Северне. (Ходят слухи, что он курил каннабис, но, видимо, не того сорта, от которого мозги превращаются в цветную капусту и прыгаешь с крыши на острые прутья ограды.) Том Юэн припарковал «судзуки» у скамьи на узком конце озера и сел в седле боком. Плуту Ноук двинул его кулаком в спину (это он так спасибо сказал) и пошел разговаривать с Колеттой Тюрбо. Если верить Келли, сестре Дурня, у Плуту с Колеттой были

половые сношения. Ребята постарше уселись на скамейке лицом к Тому Юэну, как апостолы с Иисусом, и стали передавать по кругу бычки. (Росс Уилкокс и Гэри Дрейк теперь курят. Что еще хуже, Росс Уилкокс спросил Тома Юэна что-то про глушитель «судзуки», и Том Юэн ему ответил, как будто Россу тоже восемнадцать лет, не меньше.) Грант Бёрч велел своему слуге Фелпсу сбегать в лавку Ридда и принести ему арахисовый шоколадный батончик и банку газировки «Топ дек», да еще заорал ему в спину: «Бегом, я сказал!» — чтобы произвести впечатление на Тома Юэна. Мы, средние по рангу ребята, расселись на подмороженной земле вокруг скамьи. Парни постарше заговорили о том, какую самую лучшую передачу показывали по телевизору на Рождество и Новый год. Том Юэн сказал, что смотрел «Большой побег», и все согласились, что рядом с «Большим побегом» все остальные фильмы — говно, особенно по сравнению с той сценой, где фашисты ловят Стива Маккуина на колючей проволоке. Но тут Том Юэн сказал, что, по его мнению, фильм длинноват, и все согласились, что он, конечно, классика, но тянется безумно долго. (Я не видел «Большой побег», потому что мама и папа смотрели особый рождественский выпуск «Двух Ронни». Но я очень внимательно слушал разговор парней, чтобы в понедельник, когда начнется школа, прикинуться, что все-таки видел.)

Разговор каким-то образом перешел на тему «как хуже всего умирать».

— Хуже всего — когда тебя укусила зеленая мамба, — высказал предположение Гилберт Свинъярд. — Это самая ядовитая змея в мире. Все органы внутри лопаются, так что моча перемешивается с кровью. До ужаса мучительно.

— Мучительно-то мучительно, зато быстро, — фыркнул Грант Бёрч. — Гораздо хуже, когда с тебя кожу

сдирают, этак носком. Так делают индейцы-апачи со своими жертвами. Самые лучшие могут это на целую ночь растянуть.

Пит Редмарли сказал, что слышал про казнь, которую любят вьетконговцы.

— Они тебя раздевают, привязывают, потом засовывают плавленный сырок тебе в жопу. А потом запирают тебя в гробу, в который ведет трубка. И пускают по трубке голодных крыс. Крысы, они сжирают сыр, а потом вгрызаются в тебя.

Все посмотрели на Тома Юэна — какой будет окончательный ответ.

— Я часто вижу один такой сон. — Он затаился сигаретой, — казалось, целая вечность прошла. — Я в кучке последних людей, выживших после атомной войны. Мы идем по шоссе. Машин на нем нет, только сорняки растут. И каждый раз, как я оглядываюсь, нас все меньше. Радиация, понимаете, убивает одного за другим. — Он посмотрел на своего брата Ника, потом куда-то далеко за ледяное озеро. — И меня пугает даже не то, что я умру. А то, что я окажусь последним.

После этого все долго молчали.

Тут вылез Росс Уилкокс. Он затаился сигаретой, — казалось, целая вечность прошла. Фу, позер.

— Вот если б не Уинстон Черчилль, *вы* сейчас все говорили бы по-немецки.

Ну конечно, а Росс Уилкокс ловко избежал бы немецкого плена и лично возглавил бы ячейку Сопротивления. Мне до смерти хотелось сказать этому выскочке, что на самом деле, если бы японцы не разбомбили Пёрл-Харбор, Америка никогда не вступила бы в войну, Британию заморили бы голодом и вынудили бы сдаться в плен и Черчилля казнили бы как военного преступника. Но я знал, что не смогу. В этих предложениях была куча запинательных слов, а Вещатель в последнее время стал совершенно

безжалостен. Поэтому я только сказал, что умираю — хочу отлить, встал и прошел чуть подалее по тропке, ведущей в деревню. Гэри Дрейк заорал:

— Эй, Тейлор! Не стряхивай больше двух раз, а то выйдет, что ты *дрочишь*!

Нил Броуз и Росс Уилкоккс довольно заржали. Я показал им через плечо обратную «викторию». Присказка про «стряхивать и дрочить» сейчас у парней дико модная. Жаль, я никому не могу довериться и спросить, что это на самом деле значит.

Среди деревьев всегда хорошо, в отличие от людей. Может, Дрейк и Уилкоккс надо мной издевались, но в любом случае чем слабее становились их голоса, тем меньше мне хотелось идти назад. Я просто ненавидел себя за то, что не поставил Уилкоккса на место, когда он говорил про немецкий язык. Но если бы я начал запинаться при всех, это был бы капец. Изморозь на колючих ветвях таяла, и большие капли кап-кап-капали на землю. Звук капли меня немножко успокоил. В ямках, куда не доставало солнце, еще оставался крупнозернистый снег, но слепить снежок не хватило бы. (Нерон убивал своих гостей, заставляя их есть стеклянную еду — просто так, для смеху.) Я увидел малиновку, дятла, сороку — и вроде бы где-то вдалеке услышал соловья, но я не уверен, что соловьи встречаются в январе. Я дошел до места, где едва заметная тропа от Дома в чаще вливается в главную тропу, ведущую к озеру, и тут услышал пыхтение — какой-то мальчишка, задыхаясь, мчался в мою сторону. Я спрятался, вжался между двумя елками с раздвоенными вершинами. Мимо пронесся Фелпс, прижимая к груди арахисовый батончик и банку «Тайзера» для своего хозяина. (Должно быть, «Топ дек» у Ридда кончился.) За елками вверх по склону вело что-то похожее на тропу. Я знаю все тропы в этой части

леса, подумал я. Но не эту. Когда Том Юэн уедет, Пит Редмарли и Грант Бёрч снова затеют «британских бульдогов». Не было смысла возвращаться. Я решил пойти по тропе — просто так, посмотреть, куда она ведет.

В чаще только один дом, поэтому его так и называют — Дом в чаще. Там живет какая-то старуха, но я не знаю, как ее зовут, и никогда ее не видел. У дома четыре окна и труба, совсем как дети обычно рисуют домик. Его окружает кирпичная стена в мой рост, а одичавшие кусты вымахали еще выше. Когда мы играем в войну в лесах, то держимся подальше от этого дома. Не потому, что про него ходят рассказы с привидениями. Просто эта часть леса не очень хорошая.

Но сегодня утром дом выглядел таким приземистым и запертым, что я решил: похоже, там больше никто не живет. Кроме того, я уже до того хотел в туалет, что чуть не лопался, а в такие моменты забываешь об осторожности. Так что я помочился на заиндевелую стену. Я только закончил выводить свой автограф парящей желтой струей, как с тихим взвизгом открылась ржавая калитка и оттуда возникла бабка с кислым лицом времен черно-белого кино. Она просто так стояла и смотрела на меня.

У меня струя пересохла.

— Боже мой! Извините!

Я застегнулся, бормоча извинения, — сейчас меня с землей смешают. Если бы моя мама застала мальчишку, писающего на нашу изгородь, она бы с него кожу содрала заживо, а тело пустила бы на компост. Любого мальчишку, включая меня.

— Я не знал... не знал, что тут кто-то живет.

Кисломордая бабка продолжала на меня пялиться.

Мои штаны пестрели брызгами мочи.

— Мы с братом родились в этом доме, — сказала

наконец бабка. Шея у нее была дряблая и морщинистая, как у ящерицы. — И не собираемся никуда переезжать.

— О... хорошо... — Я все еще не был уверен — вдруг она сейчас откроет огонь.

— Какие вы, юнцы, шумные!

— Извините...

— Очень неосторожно с вашей стороны было разбудить моего брата.

У меня от ужаса склеился рот.

— Там было много народу, не только я. Честное слово.

— В иные дни мой брат любит юнцов. — Бабка смотрела не мигая. — Но в такие дни, как сегодня, они его приводят в ярость, о да.

— Простите, мне очень жаль, я уже сказал.

— Ты еще пожалеешь, если мой брат до тебя доберется, — с видимым отвращением произнесла она.

Тихие звуки стали чрезмерно громкими, а обычно громких звуков стало совсем не слышно.

— А он... э... где-то здесь? Сейчас? Ваш брат, то есть?

— Его комната осталась точно в том же виде.

— Он что, болен?

Она как будто не слышала.

— Мне пора домой.

— Ты еще пожалеешь, еще как пожалеешь, — она обильно сплюнула, как делают старики, чтобы слюна не текла изо рта, — когда лед треснет.

— Лед? На озере? Он крепкий как не знаю что.

— Вы всегда так говорите. Ральф Бредон так говорил.

— Кто это?

— Ральф Бредон. Мальчишка мясника.

Что-то тут было очень не так.

— Мне правда нужно домой.

Обед в доме по адресу «дом 9, улица Кингфишер-Медоуз, Лужок Черного Лебеда, графство Вустершир» состоял из хрустящих-блинчиков-с-ветчиной-и-сыром

марки «Финдус», жареной рифленой картошки и брюссельской капусты. Брюссельская капуста на вкус как свежая блевотина, но мама сказала, что я должен съесть пять штук, а то не видать мне карамельного пудинга «Ангельский восторг». Мама говорит, что не потерпит подросткового бунта за обеденным столом. Еще перед Рождеством я спросил, какое отношение к подростковому бунту имеет то, что я не люблю брюссельскую капусту. Мама велела мне перестать строить из себя «умника-отличника». Мне бы заткнуться, но я обратил ее внимание на то, что папа никогда не заставляет ее есть дыню (которую она ненавидит), а она не заставляет папу есть чеснок (который ненавидит он). Она взбесилась и отправила меня в мою комнату. А когда папа пришел с работы, то еще и прочитал мне лекцию про наглость.

И карманных денег я в ту неделю тоже не получил.

В общем, в этот раз за обедом я порезал свою брюссельскую капусту на мелкие кусочки и наплюхал сверху побольше кетчупа.

— Папа?

— Да, Джейсон?

— Если человек утонет, что случится с его телом?

Джулия закатила глаза, как Иисус на кресте.

— Мрачноватая тема для обеденного стола, ты не находишь? — Папа прожевал положенный в рот кусок хрустящего блинчика. — А почему ты спрашиваешь?

Про замерзший пруд лучше было не упоминать.

— Ну, в этой книжке, «Полярные приключения», там два брата, Хэл и Роджер Ханты, и за ними бегают нехороший человек по имени Кэггс, и он проваливается в...

Папа жестом остановил меня:

— Ну, я так думаю, что Кэггса съели рыбы. Обглодали дочиста.

— А что, в Арктике есть пираньи?

— Любые рыбы съедят что угодно, лишь бы достаточно мягкое. Но имей в виду, если бы он свалился в Темзу, его тело вскоре выбросило бы на берег. Темза всегда отдает своих мертвых, это точно.

Мой обходной маневр был завершен.

— А если он, например, провалится через лед в озеро? Что с ним тогда будет? Может, он так и останется... замороженным?

— Ма-а-ама! — пропищала Джулия. — *Тварь* нарочно изгаляется, когда мы едим.

Мама свернула салфетку трубочкой:

— Майкл, к Лоренцо Хассингтри завезли новую кафельную плитку.

(Моя сестра, жертва аборта, победоносно ухмыльнулась мне в лицо.)

— Майкл?

— Да, Хелена?

— Я подумала, что, может быть, у нас получится заглянуть в салон к Лоренцо Хассингтри по дороге в Вустер. У него новые плитки. Просто исключительные.

— Без сомнения, Лоренцо Хассингтри заломит за них исключительную цену, из соображений гармонии.

— Нам все равно платить за работу, так почему бы не сделать все как следует? Мне уже стыдно перед людьми за нашу кухню.

— Хелена, с какой стати...

Джулия иногда раньше папы и мамы успевает учуять их ссору.

— Можно выйти из-за стола?

— Милая, у нас карамельный пудинг на десерт. «Ангельский восторг»! — Кажется, мама по-настоящему обиделась.

— Да-да, просто объеденье, но можно я съем свою порцию вечером? Меня ждут Роберт Пиль и просвещенные виги. И вообще, *Тварь* мне весь аппетит отбил.

— Appetit тебе отбили шоколадные конфеты, которые вы с Кейт Элфрик жрете коробками, — парировал я.

— А куда, интересно, девался шоколадный апельсин? А, Тварь?

— Джулия! — Мама вздохнула. — Пожалуйста, не называй так Джейсона. В конце концов, у тебя только один брат.

— На одного больше, чем нужно, — заявила Джулия и встала.

Тут папа что-то вспомнил:

— Кто из вас заходил ко мне в кабинет?

— Только не я, папа! — Джулия зависла в дверях, почуяв кровь. — Должно быть, это мой честный, милый, послушный младший братик.

Откуда он знает?

— Я задал простой вопрос.

Значит, у него есть улики. Единственный известный мне взрослый, который пытается блефовать в разговорах с детьми, — это мистер Никсон, наш директор школы.

Карандаш! Когда Дин позвонил в дверь, я, наверно, оставил карандаш в точилке. Чертов Дурень.

— У тебя телефон звонил и никак не останавливался, минут пять, честно, так что я...

— Каково правило относительно моего кабинета? — Мой рассказ папе явно был неинтересен.

— Но я подумал, это может быть что-то важное, поэтому я взял трубку и стал... — Вешатель перехватил слово «слушать», — и там кто-то был, но...

Отец жестом скомандовал «СТОП!»:

— Я, кажется, задал простой вопрос.

— Да, но...

— Какой вопрос я тебе задал?

— «Каково правило относительно моего кабинета?»

— Верно.

Папа иногда похож на ножницы. Щелк, щелк, щелк.

— Так почему ты не отвечаешь на мой вопрос?

Тут Джулия сделала странный ход:

— Вот забавно.

— Я не вижу, чтобы кто-нибудь смеялся.

— Нет, папа, я про то, что на второй день Рождества, когда вы повезли Тварь в Вустер, у тебя в кабинете вдруг зазвонил телефон. Честно, он звонил сто лет. Я не могла заниматься. И чем больше я себе говорила, что это вовсе не скорая помощь и не полиция, тем больше уверялась, что это они и есть. В конце концов я чуть с ума не сошла. У меня не было выбора. Я сказала «алло», но на том конце не ответили. Так что я повесила трубку — вдруг это маньяк.

Папа затих, но гнев у него еще не прошел.

— Вот, со мной было то же самое, — рискнул я. — Но я не сразу повесил трубку, потому что думал, может, они меня не слышат. Джулия, у тебя там в трубке ребенок не плакал?

— Так, слушайте меня, вы двое. Нечего строить из себя частных сыщиков. Если какой-то шутник обрывает нам телефон, я не хочу, чтобы кто-либо из вас отвечал. Что бы ни случилось. Если эти звонки повторятся, просто выдерните аппарат из розетки. Ясно?

Мама все это время сидела молча. Что-то тут очень не так.

— ВЫ МЕНЯ СЛЫШАЛИ?

Папины слова были как кирпич, брошенный в окно. Мы с Джулией подскочили.

— Да, папа.

Мама, папа и я съели «Ангельский восторг» в полном молчании. Я не осмеливался даже глаза поднять на родителей. Я не мог попроситься из-за стола, потому что Джулия уже пошла с этой карты. Понятно, почему я оказался в немилости, но почему родители друг с другом не разговаривают? Проглотив последнюю ложку